ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣнiе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНIЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 8 Пятница, 11 (24) марта 1905 г. № 8

Сестра Георгiевской общины
Е. М. Пескова,
награжденная медалью „за храбрость" за эвакуацiю раненыхъ у Ляояна.

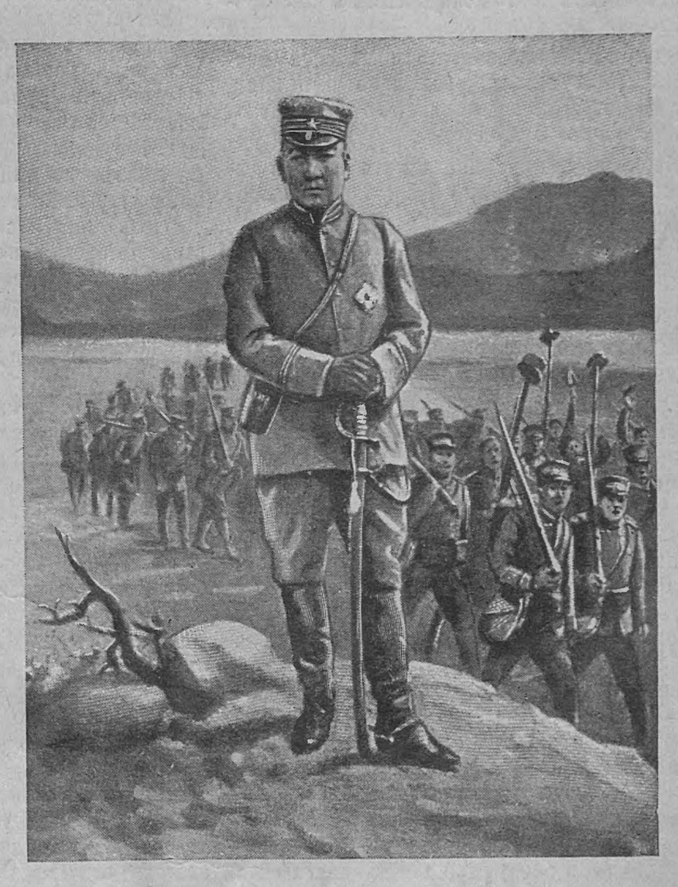
Сестра милосердiя тульскаго лазарета
Л. Н. Сапожникова,
отбывшая на театръ войны съ гимназической скамьи. Во время би вы у Ляояна эвакуировала одна 100 раненыхъ, за что и награждена медалью на георгiевской лентѣ „за храбрость".

Сестра милосердiя
А. Б. Мартынова,
работающая въ летучемъ отрядѣ своего мужа, командира зарайскаго полка.

Главнокомандующiй всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, дѣйствующими противъ Японiи, генералъ отъ-инфантерiи
Н. П. Леневичъ.

Главнокомандующiй японскими армiями, маршалъ
Ояма.

Историческія воспоминанія.

Славословія и проклятія. — Несчастный западный мужикъ и счастливый рабъ на Руси. — Вольность — непрочный кумиръ Запада. — Крѣпостное право — устой Россіи. — Первый русскій экономистъ. — Автору — смерть, книгѣ — огонь. — Полвѣка назадъ. — Либералы и правительственная опасность. — Научила насъ исторія.

Сто лѣтъ назадъ русское общество переживало свѣтлую эпоху чаяній и надеждъ. Прошлое сумрачное, тоскливое, какъ непогожая ночь, отходило въ сумракъ воспоминаній. Настоящее было свѣтло. Еще свѣтлѣе, ярче рисовалось будущее.

Государственный строй ждалъ обновленія. Обновленія ждало общество и съ нимъ юный Императоръ. Тѣни Новикова и Радищева указывали путь. Позади стояла мрачная полоса шестилѣтняго павловскаго царствованія. Движеніе въ пользу реформъ не захватывало широкихъ народныхъ круговъ. Пульсъ его бился лишь среди аристократіи, представлявшей собою въ то время соль русской интеллигенціи.

Величавые образы прошлыхъ дней, свѣтлыя тѣни передовыхъ бойцовъ и застрѣльщиковъ встаютъ изъ прошлаго. Дѣти своего времени, они смотрѣли впередъ и провидѣли въ будущемъ лучшіе дни. Мрачная эпоха реакціи не затушевала эти образы. Наоборотъ, еще ярче, еще свѣтлѣе глядятъ они съ сумрачнаго полотна крѣпостнической эпохи, въ которую само крѣпостничество благословлялось, какъ „древній патріархальный и самый естественный образъ гражданскаго благоустройства".

Среди славословій устоя русской жизни, защиты, „оплота русской государственности", въ толпѣ себялюбивыхъ умниковъ и закорузлыхъ крѣпостниковъ находились люди, не только не сливавшіе своихъ голосовъ въ общее славословіе, но находившіе въ себѣ мужество открыто и смѣло посылать свое проклятіе.

Одни изъ нихъ заплатили за свой протестъ цѣною неволи, рудниками и цѣпями, другіе—долгимъ подневольнымъ изгнаніемъ, отверженіемъ родины.

Къ послѣднимъ принадлежитъ видный дѣятель прошлаго, первый русскій ученый экономистъ Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Бѣглую, но своевременную характеристику обоихъ даетъ г. Святловскій въ послѣднемъ нумерѣ „Всемірнаго Вѣстника".

„Все благое основывается на свободѣ, а злое на противленіи ей",—говоритъ Тургеневъ.

Увы, въ нашемъ отечествѣ подобная вѣра не была крѣпка. Журналистъ изъ благонамѣренныхъ, благонамѣреннаго времени, управляемаго десницей Аракчеева, по опыту зналъ, что значитъ вольность. Его перомъ водила не дерзновенная, а умудренная опытомъ мысль, когда онъ, бія себя въ перси, восклицалъ:

„О несчастное слово в о л ь н о с т ь!..

„Только гнилой Западъ могъ создать себѣ такого непрочнаго кумира, и что же вышло изъ такого своеправія?—Здѣшніе (т. е. западные) мужики всѣ вольны!—Вольны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сіи, беспріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывныя связи съ землей и помѣщиками!.."

Связь безземельнаго раба съ чужою собственностью и работа три дня въ недѣлю на отца-помѣщика—какое счастье!

„Гнилой Западъ до этого не додумался, а Россія, идущая своимъ путемъ, дошла и пребываетъ въ счастьи неизреченномъ!

„Только злые люди, лихіе супостаты могутъ подрывать подобное счастье".

Тургеневъ,—съ такой благонамѣренной точки зрѣнія умовъ, склонныхъ видѣть въ аракчеевщинѣ идеалъ правленія, въ военныхъ поселеніяхъ высшее благо отчизны,—былъ злымъ человѣкомъ, лихимъ супостатомъ.

На подленькій лепетъ журнальныхъ младенцевъ, на сюсюканье патріотовъ, оберегающихъ основы, онъ отвѣчалъ, что народъ задавленъ налогами и что есть страны, гдѣ „введеніе налога дѣлается съ согласія народныхъ представителей".

„Согласіе же со стороны народа—можетъ быть дѣйствительно только въ тѣхъ государствахъ, которыя пользуются с у щ н о с т ь ю, а не одними только формами гражданской свободы".

Опытъ о теоріи налоговъ Тургенева вышелъ двумя изданіями въ 1818 и 1819 годахъ. Цензура „одобрила его", но хотя „законъ и не имѣетъ обратной силы", черезъ семь лѣтъ власти занялись розыскомъ и уничтоженіемъ книги.

И книга и авторъ были признаны преступными. Книга уничтожена, авторъ же за участіе въ дѣлѣ декабристовъ былъ осужденъ на смертную казнь.

Декабрьскіе дни застали Тургенева за границей. Неявка на судъ рѣшила его судьбу, и въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ благороднѣйшій изъ русскихъ людей долженъ былъ вести жизнь опальнаго изгнанника, изгоя русской дѣйствительности, начертавшей ему смертный приговоръ...

* * *

Тридцать пять лѣтъ назадъ, тоже на чужбинѣ дальней, скончался другой изгой русской жизни—А. И. Герценъ.

Имя его до послѣднихъ лѣтъ считалось запретнымъ. Запретными были и его сочиненія, въ скоромъ времени долженствующія появиться въ отдѣльномъ легальномъ изданіи.

Матеріалы для біографіи Герцена неутомимо собираетъ теперь г. Батуринскій. Часть ихъ была уже напечатана во „Всемірномъ Вѣстникѣ" за прошлый годъ*). Вторая часть появляется теперь въ томъ же журналѣ.

Г. Батуринскій предлагаетъ лишь сырой матеріалъ, снабжая его немногочисленными комментаріями.

Очень характерно, какъ показатель настроенія будущихъ дѣятелей приснопамятной эпохи великихъ реформъ, слѣдующее письмо къ Герцену, написанное въ концѣ 1855 года Д. К. Кавелинымъ и Б. В. Чичеринымъ.

Заря новой освободительной эпохи уже занялась.

„Необыкновенныя политическія событія послѣдняго времени вызвали чрезвычайныя, небывалыя явленія въ умственной и нравственной жизни Россіи. Она вся, по словамъ авторовъ письма, „отъ Царя до поденщика встрепенулась отъ мертвеннаго оцѣпенѣнія, въ которое до сихъ поръ была погружена, удивленными глазами измѣрила свое бѣдственное положеніе"...

Расходясь съ Герценомъ во взглядахъ на судьбы Россіи, авторы ярко и выпукло зачерчиваютъ характеристику современнаго положенія вещей въ Россіи.

„Подъ сѣнью сорокалѣтняго террора успѣла возникнуть у насъ, утвердиться и опутать всю Россію въ свои сѣти—алчная, развратная и невѣжественная бюрократія, которая, втѣснясь между царемъ и народомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ преданности государю и охраненія его престола, искусственно поддерживаетъ разрывъ между нимъ и позорно угнетенною страною. Эта тираннія новаго рода, неизвѣстная ни древнему, ни новому міру, составляла и до сихъ поръ составляетъ непроницаемую среду, сквозь которую не доходитъ ни голосъ Россіи до царя, ни мысли и намѣренія царя до Россіи. Благодаря этой средѣ, царь и Россія мало-по-малу отучаются понимать другъ друга, а этого только и нужно своекорыстной бюрократіи.

„Гибельность такихъ взаимныхъ отношеній государя и народа доказана теперь неопровержимыми фактами и стала ясна, какъ день. Мы отъ нихъ потеряли всю свою политическую и военную славу и значеніе: они произвели невѣжество и низкое раболѣпство, а эти, въ свою очередь, породили современное безголовье. Теперешній государь, повидимому, понимаетъ это, но много пройдетъ времени, пока онъ вполнѣ пойметъ, до какой степени народъ оклеветанъ въ его глазахъ, сокрытъ отъ него непроницаемой завѣсой, называемой правительствомъ, и въ какомъ обезображенномъ видѣ доходятъ до народа самыя лучшія намѣренія русскаго царя. Царь русскій не знаетъ и не можетъ знать своего народа, потому что совершенно отдѣленъ отъ него и не имѣетъ къ нему никакихъ прямыхъ, непосредственныхъ отношеній. Что мудренаго, что онъ смотритъ на народъ, какъ на толпу бунтовщиковъ, какъ на опаснаго врага, болѣе или менѣе искусно скрывающаго свои разрушительные замыслы? То-ли еще показывали царямъ чиновники сквозь лживую призму своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и отчетовъ!

„Потребность возстановить связь и живую, непосредственную струю между царемъ и народомъ чувствуетъ, кажется, нынѣшній благонамѣренный государь, который, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не далъ, повидимому, убаюкать себя лживыми наговорами, будто бы народъ его—скопище буйныхъ сорвиголовъ, ждущихъ минуты подкопать и разрушить престолъ. Говорю: к а ж е т с я и п о в и д и м о м у, потому что у насъ народъ всего менѣе знаетъ мысли царя; если государь откровененъ и довѣрчивъ, то все же его мысли знаетъ лишь бюрократическая среда, разобщающая его съ народомъ, и она сообразуетъ съ этимъ свой планъ дѣйствій, имѣя вѣчно одну цѣль,—какъ бы ловчѣе втянуть государя въ свои исключительные интересы, заслонить отъ него желанія и пользы народа, или, по крайней мѣрѣ, заставить его пренебречь ими, ихъ позабыть.

„Такъ какъ теперешній царь, кажется, понимаетъ это, то злонамѣренная цензура, умышленно скрывающая отъ него истину, уже не такъ гордо презираетъ русскихъ писателей и русскую литературу, да и вообще не такъ возмутительно нагла, какъ была въ минувшее царствованіе; но, къ сожалѣнію, даже до сихъ поръ, ни одинъ живой голосъ, ни одна правда, ни одинъ вопль народный, не могли еще проникнуть сквозь безумную цензурную ограду.

„Задыхаясь подъ мучительнымъ гнетомъ, русская мысль ищетъ себѣ хоть какого-нибудь исхода. Поставленная между безсмысленной, скажу *) даже: преступной бюрократіей и невѣжественной массой, она не имѣетъ сама по себѣ никакого политическаго значенія, никакой матеріальной опоры, которая бы стала ее поддерживать и защищать противъ насилія. Существованіе въ Россіи сильной либеральной партіи, могущей быть опасною для правительства,— чистая выдумка, которая родилась послѣ вѣнскаго конгресса, утверди-

*) В. П. Батуринскій. Герценъ, его друзья и знакомые. Т. I. Спб. 1904 г.

*) Письмо было подписано псевдонимомъ: „Русскій Либералъ".

лась въ правительствѣ въ теченіе минувшаго царствованія и поддерживается умышленно: людьми либеральнаго образа мыслей,—чтобъ придать своему мнѣнію нѣкоторый авторитетъ и похвастаться передъ иностранцами, а нашими чиновниками и сановниками—чтобъ удобнѣе и легче держать государей въ своихъ рукахъ съ помощью пугала, называемаго революціей, и отклонять ихъ отъ всякихъ полезныхъ для народа, но вредныхъ для бюрократіи, нововведеній. На самомъ дѣлѣ—и это совершенно достовѣрно — русская мысль, представляемая горстью просвѣщенныхъ и порядочныхъ людей, не можетъ грозить ни русскому государю, ни даже невѣжественной русской бюрократіи; когда правительство ее отъ себя отталкиваетъ, какъ до сихъ поръ было, она остается безсильною и глохнетъ въ ничтожествѣ и бездѣйствіи; если же оно захочетъ ею воспользоваться, она всегда будетъ ему вѣрной, надежной, истинно-полезной союзницей". Доказательства передъ глазами: сорокъ лѣтъ у насъ пренебрегали мыслью, и какой же тому результатъ?— Революціи у насъ отъ этого не было, а Россія померкла извнѣ, замерла физически и нравственно внутри. Если правительство вздумаетъ продолжать идти по тому же пути, ему по прежнему нечего опасаться ни возстаній, ни заговоровъ, ни тайныхъ обществъ, но оно загубитъ страну, изсушитъ всѣ ея живые соки, и положеніе наше, внутри и внѣ, будетъ еще мрачнѣе, еще достойнѣе слезъ, чѣмъ теперь.

„Исторія лучшая учительница жизни". Такъ думалъ еще Карамзинъ. Россійскій исторіографъ ошибся сильно. Исторія очень мало научила Россію. „Существованіе въ Россіи сильной либеральной партіи, могущей быть опасной для правительства", до сихъ поръ является жупеломъ для органовъ извѣстнаго лагеря. Тѣмъ именно жупеломъ, которымъ запугиваютъ „патріотически" настроенные публицисты, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, своихъ простодушныхъ читателей. О придушеніи „живыхъ соковъ", о „положеніи, достойномъ слезъ", имъ заботы мало.

„Было бы намъ хорошо", а послѣ насъ хоть пусть погибаетъ весь міръ—девизъ вполнѣ достойный патріотовъ въ кавычкахъ.

Изгой Герценъ и либералъ Кавелинъ уже назвали такое отношеніе своимъ настоящимъ именемъ.

Ник. Носковъ.

Проектъ устава государственной думы.

Бывшій петербургскій городской голова и земскій дѣятель баронъ П. Л. Корфъ, принося „посильную лепту для разработки и правильнаго разрѣшенія великаго вопроса" объ организаціи народнаго представительства, печатаетъ свой проектъ устава государственной думы. Главныя положенія этого проекта сводятся слѣдующему.

Государственная дума есть высшее въ Имперіи выборное учрежденіе, представляющее предъ Верховною властью, пользы и нужды населенія.

Государственная дума осуществляетъ свои задачи посредствомъ участія въ предварительномъ разсмотрѣніи законопроектовъ и отчетовъ и посредствомъ ходатайствъ на Высочайшее Имя.

Государственная дума состоитъ изъ выборныхъ гласныхъ отъ населенія и изъ представителей министерствъ и главныхъ управленій.

Гласные отъ населенія избираются нижеслѣдующими учрежденіями:

Губернскими дворянскими собраніями; губернскими земскими, собраніями; финляндскимъ сеймомъ, городскими думами нѣкоторыхъ большихъ городовъ; главнѣйшими биржевыми комитетами, Императорскою академіею наукъ, Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ.

Губерніи и области, въ коихъ земскія учрежденія еще не введены, получаютъ право на избраніе гласныхъ государственной думы по мѣрѣ распространенія на нихъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, съ указаніемъ въ то же время и числа гласныхъ отъ каждой губерніи или области.

Гласные государственной думы избираются срокомъ на 5 лѣтъ. По особому Высочайшему Именному указу государственная дума можетъ быть распускаема и ранѣе истеченія срока избранія ея гласныхъ. Въ такомъ случаѣ производятся новые выборы гласныхъ на новый полный 5-лѣтній срокъ.

Учрежденія, посылающія гласныхъ въ государственную думу, избираютъ ихъ, вообще, изъ своей среды.

Званіе гласнаго государственной думы несовмѣстимо ни съ какою штатною должностью по государственной службѣ по назначенію отъ правительства.

Независимо выборныхъ гласныхъ, членами государственной думы состоятъ предсѣдатель комитета министровъ и всѣ министры и главноуправляющіе.

Государственная дума засѣдаетъ ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, причемъ день начала сессіи точно опредѣляется закономъ навсегда, а конецъ сессіи опредѣляется каждый разъ Высочайшимъ повелѣніемъ, испрашиваемымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Кромѣ того, въ случаѣ надобности, чрезвычайная сессія назначается особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Сессіи думы открываются и закрываются предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

Предметы вѣдомства государственной думы.

На предварительное заключеніе государственной думы поступаютъ всѣ проекты новыхъ законовъ, а также измѣненія и разъясненія законовъ существующихъ, всѣ проекты правительственныхъ мѣропріятій, какъ-то: финансовыхъ росписей, государственныхъ займовъ, расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и объ установленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Представленія по всѣмъ перечисленнымъ предметамъ не могутъ быть внесены въ государственный совѣтъ или въ комитетъ министровъ, по принадлежности, безъ заключенія государственной думы. Заключенія эти принимаются государственнымъ совѣтомъ, или комитетомъ министровъ, по принадлежности, въ соображеніе.

Отчеты государственнаго контролера, а равно всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, сообщаются на предварительное заключеніе государственной думы, вмѣстѣ съ каковымъ отчеты эти подносятся Государю Императору.

Государственная дума имѣетъ также право законодательнаго почина и потому дума можетъ сама составить проектъ закона, или правительственнаго постановленія и сообщить его для дальнѣйшаго движенія государственному совѣту или комитету министровъ по принадлежности.

Государственная дума можетъ требовать объясненій по дѣламъ государственнаго управленія отъ подлежащаго министра или главноуправляющаго.

Дума можетъ также, когда признаетъ нужнымъ, подвергать фактической ревизіи чрезъ избранныя изъ своей среды комиссіи на мѣстахъ казенные склады, запасы и казначейства, а также исполненныя на счетъ казны сооруженія и работы.

Заключенія свои по подобнымъ объясненіямъ и ревизіямъ государственная дума сообщаетъ къ соображенію подлежащему министру, а въ случаяхъ, особенно важныхъ, повергаетъ оныя на благоусмотрѣніе Его Величества.

Государственная дума можетъ обращаться непосредственно къ Верховной власти съ ходатайствами по всѣмъ вопросамъ законодательства и управленія.

Государственная дума обязана разсматривать по существу всѣ могущія быть обращенными къ ней ходатайства учрежденій, облеченныхъ правомъ избирать гласныхъ государственной думы.

Если ходатайство будетъ признано думою уважительнымъ, она принимаетъ его въ соображеніе, или оказываетъ по содержанію его возможное содѣйствіе.

По проекту число гласныхъ отъ губерніи съ земствомъ колеблется отъ 2 до 10. Общая цифра представителей отъ земскихъ губерній опредѣляется въ 147 гласныхъ. 17 большихъ городовъ имѣютъ особыхъ представителей въ думѣ (числомъ 26); кромѣ того, 24 гласныхъ: отъ академіи наукъ (1), русскаго техническаго общества (3) и биржевыхъ комитетовъ (17); дворянство (по 2 представителя отъ собранія) даетъ 76 гласныхъ въ думу. 15 министровъ входятъ также въ ея составъ. Такимъ образомъ, первая очередь опредѣляется въ 288 гласныхъ.

На вторую очередь поставлены не земскія губерніи, долженствующія дать 52 представителя (на 16 губерній); Царство Польское, Кавказъ, Сибирь и Средняя Азія дадутъ 48 представителей. Общее же число представителей, по проекту барона П. Л. Корфа, опредѣляется цифрой 388 гласныхъ.

Щедринъ о патріотизмѣ.

1.

Что такое патріотизмъ?

Въ 1812 году этого вопроса никто въ Россіи себѣ не задавалъ: тогда онъ былъ простъ и ясенъ. Врагъ былъ общій, дѣло было общее. Нашествіе Наполеона было вызовомъ всей странѣ и оскорбленіемъ всѣмъ сословіямъ. Умирать за родину рвались дворяне и крестьяне, старые и малые. Семьи плакали, провожая своихъ подростковъ, этихъ добровольцевъ, наэлектризованныхъ событіями. Плакали, но благословляли. Ополченцы отъ сохи, отправлявшіеся сражаться съ топорами, были несомнѣнными патріотами, хотя слова „патріотизмъ", можетъ быть, никогда не слыхали, или, если и слыхали случайно (отъ господъ и офицеровъ), то имѣли о немъ самое смутное понятіе. Такими же патріотками были и деревенскія бабы, выходившія съ вилами и дрекольями, хотя онѣ-то о своемъ „патріотизмѣ" навѣрное уже не имѣли никакого, даже приблизительнаго, представленія.

Такъ было въ 1812 году. Въ 1856 — 58 г. дѣло обстояло уже иначе. Въ началѣ этой кампаніи, въ Россіи былъ только представитель общественнаго патріотизма: это—Ѳаддей Булгаринъ. Но и тотъ не зналъ, что ему собственно надо дѣлать: кричать „ура", или вилять хвостомъ, воинственно махать передъ носомъ у Европы шапкой или дипломатически передъ нею лебезить? Тогда, вообще, поступковъ гражданскихъ не полагалось. Да и самое слово „гражданскій" существовало лишь постольку, поскольку оно противополагалось опредѣленію „военный", причемъ всячески рекомендовалось замѣнять его и на вывѣскахъ и въ сношеніяхъ словомъ „штатскій". Существительнаго „гражданинъ" совсѣмъ не было, —былъ обыватель, которому предписывалось прежде всего не разсуждать.

Доставка раненыхъ съ поля битвы.

Но такъ такъ человѣческое сердце, даже если оно обывательское, не всегда способно подчиняться предписаніямъ начальства, то и произошло то, чего ни одинъ квартальный не могъ предвидѣть.

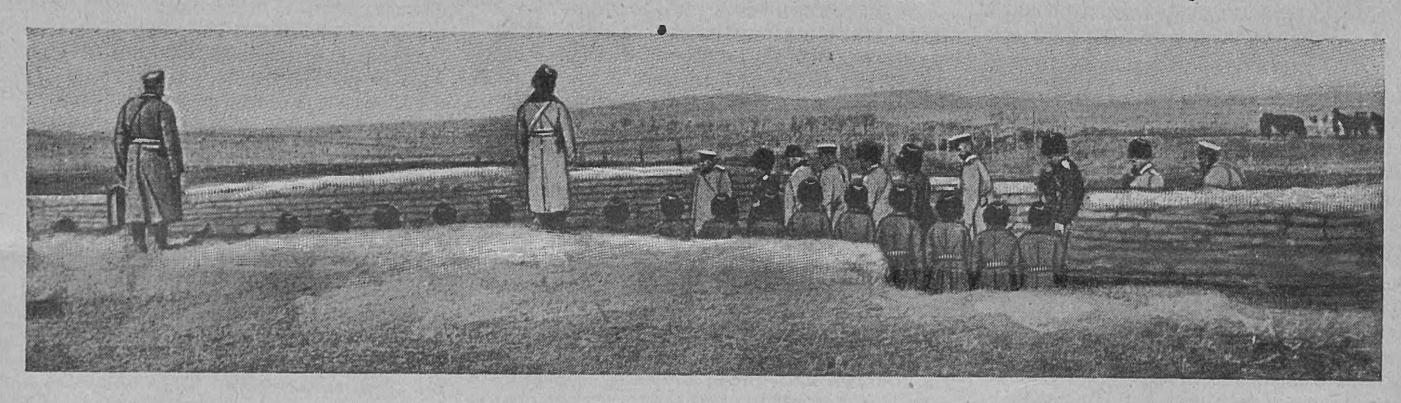
Когда гдѣ-то тамъ, за Дунаемъ, пролилась первая русская кровь, а русское общество не знало, за что она пролилась, и что будетъ дальше, то въ душу средняго русскаго человѣка начало проникать робкое сомнѣніе, подлинно-ли все это такъ и быть должно, т. е. чтобы его, русскаго человѣка, кровь лилась, а онъ, русскій человѣкъ, даже и не зналъ бы, по какому случаю онъ ее проливаетъ. А въ душѣ человѣка выше средняго уже не въ видѣ робкаго сомнѣнія, а въ видѣ опредѣленной и законченной мысли вставалъ вопросъ:

— А что же такое патріотизмъ?

2.

Имѣетъ-ли право человѣкъ любить свое отечество? Такой вопросъ кажется намъ въ настоящее время дикимъ. Но въ то время дѣла обстояли иначе. Собственно говоря, патріотизмомъ — въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это слово допускалось къ обращенію — признавали иллюминованіе домовъ фонарями и плошками, совершавшееся въ торжественныхъ случаяхъ съ надлежащаго разрѣшенія. Этимъ ограничивалась вся та область внутренней политики, интересоваться которою обывателю разрѣшалось. Любопытствовать въ сферѣ внѣшней политики дозволялось лишь въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отмежевааы ей были „Русскимъ Инвалидомъ". Въ началѣ кампаніи оттуда запрещались даже перепечатки о военныхъ дѣйствіяхъ, — и они не появлялись, не только въ „Сѣверной Пчелѣ" — частной газетѣ, но даже въ „С.-Петербургскихъ" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ" — изданіяхъ оффиціальныхъ. Курьезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жуткое впечатлѣніе производятъ столбцы этихъ „органовъ общественнаго самосознанія", относящіеся къ тому времени. Въ ту самую минуту, когда на карту ставятся: честь Россіи и сотня тысячъ жизней ея подданныхъ, —русскія газеты (въ числѣ одной частной на всю страну и трехъ оффиціальныхъ) перепечатываютъ изъ иностранныхъ газетъ мнѣніе папы римскаго о томъ, будетъ-ли Россія воевать или нѣтъ?

Но вотъ—грянулъ громъ. Севастополь палъ, —и все въ Россіи перемѣнилось. Послѣдовало освобожденіе крестьянъ, воцарилась правда въ судахъ, введено было самоуправленіе и на первыхъ росткахъ русской гражданственности водворила свое знамя гласность. Но оскорбленное въ лучшихъ своихъ чувствахъ крѣпостничество тоже не дремало и, возвращаясь мало-по-малу къ старымъ позиціямъ, начало окружать себя старымъ испытаннымъ средствомъ—окопами патріотизма. Прошло еще 25 лѣтъ,—и результаты не замедлили сказаться. Знаменитыя хищенія—все

Пѣхота въ передовыхъ окопахъ.

Генералъ Ленгвичъ осматриваетъ боевыя позиціи.

Къ боямъ подъ Мукденомъ.

Съ набросковъ корреспондентовъ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

На боевыхъ позиціяхъ на рѣкѣ Шахэ — Артиллерія 1-го сибирскаго корпуса въ ожиданіи атаки.

эти эпопеи съ интендантами, поставщиками, гнилыми подметками и негодными сухарями, —выплывшія съ такимъ шумнымъ эффектомъ въ русско-турецкую войну, созрѣли и расцвѣли подъ покровомъ того самаго патріотизма, той самой „благонамѣренности", которые съ такой ѣдкостью осмѣялъ въ свое время нашъ несравненный сатирикъ.

Замѣчательно, что Щедринъ обнаружилъ въэтомъ отношеніи истинный „даръ пророчества" потому, что первыя его разсужденія о патріотизмѣ, выгодномъ для кармана, о патріотахъ-паразитахъ и т. п., написаны за нѣсколько лѣтъ до русско-турецкой войны и пріурочены къ итогамъ франко-прусской войны. Читая то, что сатирикъ говоритъ о Франціи, слишкомъ хорошо чувствуешь, кого онъ собственно подразумѣваетъ. „Эзоповъ языкъ"... Пусть такъ, по содержаніе его такого свойства, что оно не утратило своего значенія и сейчасъ. И если о Достоевскомъ, по поводу его мыслей о войнѣ (въ „Дневникахъ писателя"), можно сказать, что онѣ вылились изъ-подъ пера только вчера, то по поводу Щедринской характеристики патріотизма, сдѣланной 35 лѣтъ тому назадъ, такъ и кажется, что она напечатана въ какой-нибудь газетѣ только сегодня утромъ.

3.

Въ 1870 г., вслѣдъ за развязкою франко-прусской войны, Щедринъ пишетъ („Признаки времени" гл. XI): „Что такое патріотизмъ?"

„До послѣдняго времени очень немногіе задавали себѣ этотъ вопросъ: до такой степени онъ казался яснымъ и безспорнымъ. Большинство понимало подъ словомъ „патріотизмъ" что-то врожденное, почти обязательное. Начальство, соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ, прибавляло, что наилучшее выраженіе патріотизма заключается въ безпрекословномъ исполненіи начальственныхъ предписаній".

Въ такомъ именно смыслѣ понимался патріотизмъ у насъ въ мрачную эпоху 30—40-хъ годовъ, а во Франціи въ смутную эпоху Третьей имперіи,—эпоху Наполеона Малаго. Потребовались: намъ — Севастополь, французамъ—Седанъ, чтобы очистить слово патріотизмъ отъ той, по выраженію сатирика, „сѣти лицемѣрія и хвастовства", которыя опутывали его. Но и за всѣмъ тѣмъ, патріотизмъ не перестаетъ быть той удобной ширмой, за которой прячутся всевозможные нечистоплотные замыслы.

Щедринъ пробуетъ разобраться въ трехъ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ обычнымъ представленіемъ такъ называемаго патріотизма.

Вопросъ первый—отношеніе къ идеѣ па-

Генералъ Куропаткинъ во время боя на полѣ битвы, къ югу отъ Мукдена.

Къ боямъ подъ Мукденомъ.

Съ набросковъ корреспондентовъ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

тріотизма „безчисленныхъ паразитовъ, наполняющихъ міръ“. Могутъ-ли, напримѣръ, именоваться патріотами подрядчики, поставляющіе мошеннически изготовленныя ружья, а также „градоначальники и военачальники, поощряющіе такіе поставки? „Конечно, у насъ, послѣ крымской и турецкой кампаній, вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ. Интенданты и маркитанты въ свое время попали (не безъ упорнаго сопротивленія) на скамью подсудимыхъ и вышли оттуда если не всѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, то всѣ нравственно заклейменные навсегда. И хотя въ наше время тоже имѣется не мало поставщиковъ, изготовляющихъ дырявые валенки, и начальники, тайно (но не явно) ихъ поощряющіе, но ни тѣмъ, ни другимъ не придетъ въ голову дерзость требовать, чтобъ ихъ называли патріотами. Всѣ такъ и называютъ ихъ ворами. И господа эти принимаютъ, какъ должное, т. е. даже не обижаются. Но французы Третьей имперіи нашей опытности не имѣли. Ихъ безпрестанно призывали къ спокойствію. Призывали до тѣхъ поръ, пока не грянулъ громъ. И что же тогда оказалось? Послушаемъ свидѣтельство Щедрина:

„Оказалось, что эти призывы къ спокойствію исходили изъ стана паразитовъ, для которыхъ затишье было необходимо, чтобъ подъ сѣнью общаго безмолвія упитывать свои тѣла. Оказалось, что эти паразиты были не только хищниками, но и глупыми людьми, которыхъ способно было застать врасплохъ всякое обстоятельство, не имѣющее ближайшаго отношенія къ процессу питанія“.

Замѣтимъ себѣ еще разъ, что эти строки написаны не сегодня, а 35 лѣтъ тому назадъ и не по поводу русскихъ дѣлъ (Боже сохрани), а по поводу французскихъ. Но Щедринъ беретъ на себя трудъ подвести тотъ главный итогъ, къ которому пришла практика послѣ Седана въ смыслѣ пониманія патріотизма. Итогъ былъ таковъ:

„Нельзя быть паразитомъ и патріотомъ, ни въ одно и то же время, ни по очереди, т. е. сегодня патріотомъ, а завтра проходимцемъ. Всякій долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.“

Другой вопросъ, занимающій сатирика, въ виду драмы, разыгрывающейся подъ стѣнами Парижа, это „вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей необразованныхъ и неразвитыхъ.“

До седанскаго погрома существовало мнѣніе, что „чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ способенъ быть патріотомъ“ и что идеаломъ исполнителя является такой, который напираетъ, не разсуждая. Франко-прусская война опрокинула это мнѣніе вверхъ дномъ и разбила его въ пухъ и прахъ. Побѣдителями оказались не французы, воспитанные на слѣпомъ повиновеніи наполеоновской полицейско-фельдфебельской дисциплинѣ, а нѣмцы, приготовленные школьнымъ учителемъ къ сознательному пониманію жизни, долга и идеи объ отечествѣ.

„Почти навѣрное можно сказать—замѣчаетъ по этому поводу Щедринъ,—что попытки замѣнить патріотизмъ дисциплиною, никогда не увѣнчивались успѣхомъ. Происходитъ это отъ того, во-первыхъ, что никакими мѣрами нельзя вложить душу живу въ человѣка, который можетъ дѣйствовать только какъ автоматъ“...

И наоборотъ: „Совсѣмъ иныя черты представляетъ дисциплина свободная, которою добровольно связываетъ себя человѣкъ развитой“...

Конечно, это писано не про насъ и не про японцевъ — о нѣтъ! Дѣло происходитъ въ 1870 году и рѣчь идетъ о французахъ и нѣмцахъ...

Наконецъ, третій вопросъ, это вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей, не принимающихъ участія въ дѣлахъ своей страны. Посмотримъ же, что думали на этотъ счетъ французы Малаго Наполеона.

„Наиболѣе распространенная изъ теорій, опредѣляющихъ отношенія отдѣльнаго человѣка къ интересамъ страны (читаемъ мы у Щедрина), имѣетъ девизомъ очень простое и краткое изреченіе—„не твое дѣло“. „Все, что ни видится кругомъ, все очерчено чертой, преступить за которую значитъ обнаружить поползновеніе очень опаснаго свойства“ (да, это уже нѣчто совсѣмъ родное)... Тишина внутри и неприступность извнѣ,—какъ идеалъ, упорное насажденіе котораго ведетъ къ тому, что „девизъ... не твое дѣло“, не только становится внѣшнимъ правиломъ, опредѣляющимъ человѣческія дѣйствія, но входитъ въ нравы“...

Когда мы перевертываемъ дальше страницы, то намъ начинаетъ казаться, что сатирикъ зло шутитъ за гробомъ и бесѣдуетъ съ нами на текущія злобы дня. „Духъ инициативы—говоритъ онъ—не съ неба сваливается, а развивается воспитаніемъ и практикой... Настоящая война практически доказала, что патріотизмъ болѣе, нежели всякое другое проявленіе человѣческаго духа, находится въ зависимости отъ воспитанія и навыка... Недостатокъ общественнаго воспитанія объясняетъ всѣ проявленія дикаго фанатизма съ одной стороны и презрѣнной приниженности съ другой“...

Но довольно, довольно!..

4.

Итакъ, что же такое патріотизмъ?.. Если нашихъ собственныхъ уроковъ, хотя бы за послѣднія 50 лѣтъ, для насъ недостаточно, то можетъ быть, чему-нибудь научатъ насъ уроки французовъ, кстати — нашихъ политическихъ друзей, — въ талантливомъ и вдумчивомъ изложеніи нашего родного сатирика? Въ наше время переоцѣнки всякихъ цѣнностей не мѣшаетъ добраться и до корней патріотизма. Подрядчики, интенданты и прочіе расхитители казны, слава Богу, не считаются уже у насъ патріотами: этого успѣха мы достигли. Но есть въ наши дни многіе иные, присваивающіе себѣ монополію патріотизма и на этомъ основаніи считающіе себя въ правѣ зажимать ротъ всѣмъ съ ними несогласнымъ.

Послѣ первыхъ же нашихъ неуспѣховъ, вполнѣ выяснившихъ нашу неподготовленность, образовалось общественное теченіе противъ дальнѣйшаго продолженія войны. Съ ростомъ нашихъ неуспѣховъ расло и это теченіе, расло до тѣхъ поръ, пока не перенесло весь центръ тяжести съ внѣшняго на внутреннее. Это выразилось въ слѣдующемъ ясно поставленномъ мнѣніи.

— Пора вернуться изъ дальнихъ странъ и заняться дѣлами домашними. Удачно и добросовѣстно поведенныя, они помогутъ справиться и съ дѣлами внѣшними.

Но вотъ тутъ-то и раздались возгласы, крики и вопли монопольныхъ патріотовъ:

— Желать мира—значитъ играть въ руку японцамъ! Не время заниматься внутренними дѣлами. Совѣтовать такъ могутъ только люди, не знающіе любви къ своему отечеству.

А наиболѣе „монопольные“ не стѣснялись даже бросить въ лицо:

— Они—измѣнники!

Не будемъ смущаться этими патетическими и истерическими выкриками, въ значительной степени фальсифицированными. Не будемъ смущаться, помня хотя бы Щедрина, который будто въ предвидѣніи нашихъ дней, между прочимъ сказалъ:

„Бываютъ минуты, когда борьба противъ ложнаго общественнаго настроенія считается признакомъ высшаго и безукоризненнѣйшаго патріотизма“...

Д. Городецкій.

Международный институтъ сельскаго хозяйства.

Отъ нашего корреспондента.

Вчера король Викторъ Эмануилъ издалъ декретъ, которымъ вызвано къ жизни учрежденіе, во всякомъ случаѣ, широко задуманное и практически полезное. Именно, по желанію короля, въ Римѣ учреждается „международный институтъ сельскаго хозяйства“,—„Instituto internationale di agricoltura“, — съ назначеніемъ обслуживать интересы сельскихъ хозяевъ всего міра, быть центральнымъ и справочнымъ бюро по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства всѣхъ странъ и народовъ, оказывать всевозможныя услуги при посредствѣ своихъ ученыхъ силъ, а также широкой практической дѣятельностью.

Король Викторъ Эмануилъ находитъ, что сельско-хозяйственные классы во всѣхъ странахъ находятся въ безпомощномъ состояніи, не умѣя отстаивать своихъ интересовъ въ борьбѣ за существованіе, при современныхъ формахъ этой борьбы. Вотъ почему король Викторъ Эмануилъ (по мысли, поданной ему, впрочемъ,—какъ король самъ заявляетъ,—однимъ американскимъ гражданиномъ, по фамиліи Loubin), рѣшилъ основать институтъ, который, будучи интернаціональнымъ по своему составу, могъ бы самымъ точнымъ образомъ изучить условія сельско-хозяйственнаго производства во всѣхъ представленныхъ въ институтѣ странахъ и явился бы, прежде всего, центральнымъ статистическимъ бюро для всѣхъ отраслей сельско-хозяйственной дѣятельности всего міра. Уже эта роль института обезпечитъ ему большое и благотворное вліяніе на производственныя условія и торговлю сельско-хозяйственными продуктами, такъ какъ точныя данныя, какими будетъ располагать институтъ, облегчитъ и удешевитъ международный сбытъ продуктовъ. Но этимъ далеко не исчерпываются задачи, какія царственный основатель института ставитъ вызванному имъ къ жизни учрежденію. Король предполагаетъ, что, въ дружной совмѣстной работѣ со всѣми существующими организаціями переселенческими и по регулированію спроса и предложенія на рабочія руки, институтъ будетъ имѣть возможность установить наиболѣе правильные и вѣрные пути въ этомъ направленіи.

Всѣ общія мѣропріятія по борьбѣ съ эпизоотіями, болѣзнями и вредителями растеній, организація сельско-хозяйственнаго кредита, страхового дѣла—все это должно быть лишь отдѣльными отраслями дѣятельности учрежденнаго института и притомъ въ мировомъ масштабѣ, т. е. такъ, чтобы каждая изъ поименованныхъ отраслей охватывала всѣ страны, сельскохозяйственную жизнь всего міра.

Король Викторъ Эмануилъ настолько серьезно отнесся къ своему грандіознѣйшему начинанію, что обратился къ министру-президенту Джіолитти съ письмомъ, вслѣдствіе котораго итальянское правительство циркулярно отнеслось къ своимъ представителямъ заграницей съ предложеніемъ--сдѣлать необходимые шаги, чтобы заручиться одобреніемъ и содѣйствіемъ мысли короля со стороны правительствъ, при которыхъ представители эти аккредитованы. Въ своемъ циркулярѣ правительство указываетъ, какая огромная непро-

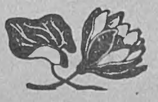
изводительная трата капиталовъ происходитъ въ сельскомъ хозяйствѣ вслѣдствіе разрозненности сельскихъ хозяевъ и неправильной постановки производства, не соотвѣтствующаго сплошь и рядомъ ни условіямъ данныхъ климата и почвы, ни спросу потребителей. Далѣе, сельскому хозяйству приходится тяжко бороться съ трестами, непомѣрно усиливающимися при полномъ почти отсутствіи государственнаго за ними контроля. Между тѣмъ,—говорится далѣе въ циркулярѣ,—„королю и его правительству угодно, чтобы сохранялось въ производственныхъ отношеніяхъ то справедливое равновѣсіе, которое зиждется на одновременномъ и соотвѣтственномъ развитіи всѣхъ производительныхъ силъ страны, и притомъ такъ, что каждая отрасль можетъ получить свою долю благосостоянія и дать человѣческому общежитію наибольшую сумму благъ и мира“.

Въ запискѣ, составленной по этому поводу извѣстнымъ итальянскимъ экономистомъ профессор. Панталеони и приложенной къ циркуляру, подробно развита и обоснована мысль, положенная въ основу института, мысль, которую итальянскія газеты успѣли уже охарактеризовать, какъ „относящуюся къ циклу идей государственнаго соціализма“. На ряду съ обоснованіемъ профессоръ Панталеони даетъ также и чисто практическую программу дѣятельности института, при которомъ предусматриваются, между прочимъ, товарные музеи, постоянная биржа для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, возможность посредническихъ услугъ всевозможнаго рода, вплоть до соглашеній между отдѣльными группами сельскохозяйственныхъ промышленниковъ различныхъ странъ, и даже возможность подготовленія основаній для торговыхъ договоровъ. Разумѣется, вся вообще дѣятельность института получитъ свое реальное содержаніе въ полной зависимости отъ состава представителей и делегатовъ, какіе откликнутся на зовъ итальянскаго короля и возьмутъ дѣло въ свои руки.

Пока временными руководителями института король Викторъ Эмануилъ избралъ правленіе изъ трехъ членовъ—сенатора Мальвано, Симеони и Монтемартини—и большого совѣта изъ сорока слишкомъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, депутатовъ и чиновниковъ. Кромѣ того, король предполагаетъ созвать въ Римѣ международный конгрессъ, которому предложено будетъ обсудить вопросъ о надлежащей постановкѣ дѣятельности института.

Таково, въ краткихъ чертахъ, новое учрежденіе, осуществленное королемъ Викторомъ Эмануиломъ. И если оно уступаетъ, по своему значенію, почину Государя Императора Николая II въ вопросѣ о всесвѣтномъ мирѣ и даже инициативѣ германскаго императора Вильгельма въ дѣлѣ разрѣшенія рабочаго вопроса, то все же дѣло, предпринятое итальянскимъ королемъ, также стремится осуществить идею общечеловѣческой солидарности на землѣ и если не достигнетъ этого въ полномъ объемѣ, то и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ несомнѣнно можетъ принести огромную пользу. Все дѣло въ томъ, насколько энергично возьмутся за работу будущіе члены института, насколько широко они посмотрятъ на его задачи. Возможность работать, и въ самомъ широкомъ масштабѣ, имъ навѣрное будетъ дана.

РИМЪ, 8 марта (23 февраля). *М. Сонинъ.*

Академія громилъ.

Отъ нашего корреспондента.

Въ Амьенѣ начался громкій процессъ, за ходомъ котораго съ напряженіемъ слѣдятъ во всей Франціи. На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ 26 членовъ шайки громилъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была грозою страны, ускользая отъ правосудія, благодаря удивительной своей организаціи и незаурядным личнымъ качествамъ своихъ членовъ.

Раскрытіе этой „академіи громилъ“,—какъ успѣли уже окрестить газеты эту шайку,—произошло случайно.

Почти годъ тому назадъ на вокзалѣ въ Аббевиллѣ, за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ Парижъ, появились трое безукоризненно одѣтыхъ господъ, обремененныхъ тяжелыми на видъ чемоданами. У насъ въ Россіи такой ручной багажъ составляетъ явленіе обычное; но аббевильскій полицейскій бригадиръ и его помощникъ нашли тяжелый багажъ подозрительнымъ и обратились къ пассажирамъ съ просьбою послѣдовать за ними въ контору начальника станціи. Отвѣтомъ на это послужили произведенные въ агентовъ полиціи выстрѣлы изъ револьверовъ. Помощникъ бригадира былъ убитъ наповалъ, бригадиру прострѣлили грудь на вылетъ; тѣмъ не менѣе одного изъ злоумышленниковъ успѣли задержать и, послѣ долгихъ усилій слѣдственной власти, удалось напасть на слѣды цѣлой шайки, превосходно организованной и насчитывающей 40 человѣкъ.

Шайка имѣла свою главную квартиру въ Парижѣ, rue de la Clef, и оперировала по всей Франціи.

Особые развѣдчики, разсылавшіеся не только по крупнымъ центрамъ, но и въ небольшіе провинціальные города и даже въ отдаленныя имѣнія и фермы, выискивали наиболѣе удобныя для исполненія и прибыльныя „дѣла“ и извѣщали главную квартиру краткой телеграммой: „пріѣзжайте“. И немедленно на мѣсто дѣйствія отправлялись необходимые для данной „работы“ люди съ такимъ разсчетомъ, чтобы пріѣхать позднимъ вечеромъ и до ранняго утра покончить съ ограбленіемъ какого-нибудь уединеннаго, безхозяйнаго дома, плохо охраняемаго магазина, богатой церкви и т. д. Съ утреннимъ поѣздомъ громилы возвращались, не возбуждая подозрѣній, отъ которыхъ охраняла ихъ вполнѣ корректная внѣшность. Добыча доставлялась въ Парижъ отдѣльно, однимъ изъ сообщниковъ. Когда преступленіе обнаруживалось,—громилы бывали уже обыкновенно далеко. Случалось, конечно отдѣльнымъ членамъ шайки попадаться, по крайней мѣрѣ по подозрѣнію въ той или иной кражѣ со взломомъ; но такъ какъ всѣ они были необыкновенно ловкіе воры, то большей частью имъ удавалось ускользнуть, напр., притворившись сумасшедшими или идіотами. Такимъ образомъ спасся разъ самъ глава шайки, нѣкій Жакобъ или Маріусъ, молодой еще человѣкъ, лѣтъ 26, марселецъ родомъ. Задержанный полиціей по подозрѣнію въ совершенномъ за два дня до того взломѣ и ограбленіи церкви, онъ притворился идіотомъ и разыгралъ свою роль съ такимъ искусствомъ, что полицейскій агентъ распорядился отправить его въ больницу, по дорогѣ куда онъ сбѣжалъ. При этомъ онъ увлекъ съ собой провожавшаго его полицейскаго агента, который впослѣдствіи сталъ его ближайшимъ помощникомъ.

Члены шайки поддерживали постоянныя сношенія, пользуясь при перепискѣ то шифромъ, какъ дипломаты, то симпатическими чернилами, какъ влюбленные. Между ними были представлены почти всѣ профессіи: слесаря, приказчики, живописцы, скульпторы, типографы, биржевики, журналисты. Былъ между ними и одинъ анархистъ по фамиліи Кларансонъ, спеціальность котораго была „работа“ въ модныхъ курортахъ. Это былъ по внѣшности настоящій джентельмэнъ и завсегдатай казино. Далѣе Пелиссаръ, сотрудничавшій въ „Cri de la Revolte“ и поставлявшій своимъ товарищамъ превосходные инструменты, не говоря уже о цѣнныхъ указаніяхъ. Одинъ изъ шайки, Анри, „работалъ“ хлороформомъ и однажды ограбилъ въ поѣздѣ пассажира на 40.000 франковъ; къ шайкѣ принадлежалъ также одинъ изъ парижскихъ швейцаровъ Ферре, служившій развѣдчикомъ и передававшій приказанія „главнаго штаба“ шайки отдѣльнымъ, находившимся въ командировкѣ, ея членамъ. Шайка имѣла своего казначея, помѣщавшаго всѣ запасныя средства—весьма значительныя,—въ процентныхъ бумагахъ, сбывавшаго драгоцѣнности и т. д. Самъ глава шайки, Жакобъ, прежде былъ послѣдовательно юнгой на кораблѣ, типографомъ, фабрикантомъ бомбъ для анархистовъ. Какъ воръ онъ дебютировалъ въ Марсели, гдѣ, переодѣвшись полицейскимъ коммиссаромъ и взявъ съ собою „понятыхъ“, произвелъ обыскъ въ магазинѣ богатаго ювелира и „заарестовалъ“ на большую сумму драгоцѣнностей, будто бы украденныхъ въ Парижѣ.

У всѣхъ членовъ шайки были подложные документы находившіеся, разумѣется, въ полномъ порядкѣ. И не смотря на всѣ усилія, до сихъ поръ не всѣ еще задержаны: суду предано всего 26 человѣкъ, но нѣкоторые находятся уже на каторгѣ, куда попали за отдѣльныя неудавшіяся „дѣла“.

Подсудимые держатъ себя на судѣ настолько нахально, и подозрѣніе, что у нихъ есть вліятельные, находящіеся на свободѣ, сообщники, до того представляется обоснованнымъ, что въ зданіи окружнаго суда въ Амьенѣ приняты небывалыя мѣры предосторожности: всѣ двери, ведущія въ залъ засѣданій, кромѣ двухъ, заперты, мѣста для подсудимыхъ, кромѣ обычной рѣшетки, совершенно изолированы отъ части зала, предоставленной публикѣ, стража усилена и т. д. Свидѣтелей вызвано 160 человѣкъ, между ними множество потерпѣвшихъ со всѣхъ концовъ Франціи, даже изъ за-границы (шайка работала понемногу и тамъ) и самыхъ разнообразныхъ положеній: судьи, офицеры, богатые буржуа, представители церкви, благотворительныхъ учрежденій и т. д. Дѣло затянется по меньшей мѣрѣ недѣли на двѣ. Между вещественными доказательствами находятся удивительные по совершенству инструменты, служившіе членамъ шайки для взлома самыхъ сильныхъ и надежныхъ замковъ.

Парижъ.
8-го марта (23-го февраля). *Экстеръ.*

НОВЫЙ ГРОССМЕЙСТЕРЪ МАЛЬТІЙСКАГО ОРДЕНА.

22-го февраля въ Римѣ собрался капитулъ ордена для выборовъ новаго великаго гроссмейстера, на мѣсто умершаго барона Чески-а-Санта-Кроче. Въ выборахъ участвовали 17 членовъ капитула. Засѣданіе открылъ кардиналъ Рамполла, преподавшій собранію благословеніе отъ имени его святѣйшества папы. Избраннымъ оказался отсутствовавшій графъ Галеццо Тунъ-Гогенштейнъ, комтуръ майдельбергскій (въ Тиролѣ), получившій при первой баллотировкѣ 15 и при второй — всѣ 17 избирательныхъ голосовъ. Новому великому гроссмейстеру всего 55 лѣтъ.

После взрыва въ гостинницѣ „Бристоль".
Окно комнаты, въ которой произошелъ взрывъ, отмѣчено крестомъ.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Сестра Маріинской общины
М. Присяжникова,
героиня Портъ-Артура, оставшаяся тамъ при раненыхъ.

Кумирня, разрушенная японскими шимозами.

Военный корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей"
А. Михайловъ на позиціи.

Скорострѣльная батарея въ резервѣ у деревни Кудяза.

Ген.-маіоръ Кусовъ, командиръ 2-й бригады 72-й дивизіи (въ серединѣ), полковникъ 287 прусскаго полка Шишкинъ (слѣва) и бригадный адъют. фортуна (справа) на позиціи.

Всѣ снимки—съ фотографій, доставленныхъ намъ съ театра войны, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., соб. д., 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей" С. М. Проппeръ.